
УДК

009,168.522,82

DOI: 10.31249/hoc/2024.01.08

*Мильдон В.И.**

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: НАБЛЮДЕНИЯ®

Аннотация. Автор называет экзистенциальным литературоведением (ЭЛ) исследование литературного текста методами, открытыми аналитической психологией З. Фрейда и развитыми его последователями. Изучение литературных (мифологических) сюжетов ЭЛ принесло удовлетворительные объяснения их материального источника. В результате были сделаны открытия как в области душевных недугов (что потребовало изменить взгляды на природу внутренней жизни человека и, благодаря этому, на смысл известных литературных текстов), так и в представлениях о современной фазе истории человечества, определяемой меняющимся положением женщины в социальной жизни народов.

Ключевые слова: экзистенция; сюжеты; болезнь; мифология; текст; человечество; положение женщины; народы.

Поступила: 10.04.2023

Принята к печати: 02.05.2023

**Мильдон Валерий Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Россия; vimildon@mtu-net.ru*

Mildon Valerij Ilitch – DSc in Philology, Professor at the Department of Aesthetics, History and Theory of the Gerasimov Institute of Cinematography, Moscow, Russia; vimildon@mtu-net.ru

© Мильдон В.И., 2024

Для цитирования: Мильдон В.И. Экзистенциальное литературоведение: наблюдения // Вестник культурологии. – 2024. – № 1(108). – С. 128–144. – DOI: 10.31249/hoc/2024.01.08

Mildon V.I.

Existential literary criticism: observations

Abstract. The author calls existential literary criticism (EL) the study of a literary text by methods that were discovered by the analytical psychology of Z. Freud and developed by his followers. The study of the literary (mythological) plots of EL has brought satisfactory explanations of their material source. As a result, discoveries were made both in the field of mental illness (which required a change in views on the nature of the inner life of a person and, thanks to this, the meaning of well-known literary texts), and in ideas about the modern phase of human history, determined by the changing position of a woman in the social life of peoples.

Keywords: existence; plots; illness; mythology; text; humanity; position of a woman; peoples.

Received: 10.04.2023

Accepted: 02.05.2023

For quoting: Mildon V.I. Existential literary criticism: observations // Herald of Culturology. – 2024. – № 1(108). – P. 128–144.
DOI: 10.31249/hoc/2024.01.08

Экзистенциальное литературоведение: наблюдения

Называя статью «наблюдениями», я тем самым определяю ее методику: понятие экзистенциальное литературоведение (ЭЛ) нуждается в разработке, чего в «наблюдениях» как жанре исследования нет, ибо, насколько я знаю, это понятие появляется впервые в теоретическом лексиконе, хотя уже существуют открытия экзистенциальной психологии.

Рассуждая о главном отличии человека от прочих органических форм, один из экзистенциальных психологов писал:

«...Животное привязано к своему “проекту”. Оно не может выйти за его пределы, тогда как человеческое существование не только обладает многочисленными возможностями разных модусов бытия, но и укоренено в разносторонней потенциальности бытия. Человеческое существование позволяет быть охотником, романтиком, бизнесменом, то есть оно *свободно в самосозидании*...» [Бинсвангер, 2014, с. 10–11].

При таком понимании меняется отношение к фундаментальным представлениям психологической науки – психическим «здоровью и болезни»:

«То, что мы сегодня считаем симптомом расстройства, виделось древним грекам как вдохновенность Аполлоном, а христианам Средневековья – как одержимость дьяволом. То, что на пике пиетизма могло считаться выражением крайнего благочестия, сегодня рассматривалось бы как явление нездоровой саморефлексии и патологического чувства вины...» [там же, с. 46–47],

Экзистенциальная психология изменила не только взгляды на характер психических болезней, но и на природу человека, о чем свидетельствует отсылка Л. Бинсвангера к философии Кьеркегора:

«...Мы должны упомянуть о великом уме, который развил как новый философский взгляд на болезнь, так и представление о безумии как психическом расстройстве. Мы имеем в виду Кьеркегора и его концепцию “смертельной болезни” – “отчаянного” *стремления быть самим собой и нежелания быть собой*. (Здесь и далее жирный курсив в цитатах везде мой. – В. М.) Эта болезнь, ее изобретательное описание и философо-теологическое толкование, на наш взгляд, – один из самых важных вкладов в “антропологическое” понимание некоторых клинических форм безумия, особенно шизофрении» [там же, с. 55–56].

И не только и даже не столько безумия, сколько, повторяю, природы человека, и в этом случае кое-что для ее понимания сделало экзистенциальное литературоведение иным подходом к толкованию мифов, которые, как думал известный лингвист Н.Я. Марр являются зародышем сюжетов мировой литературы.

Возникновение ЭЛ обязано развитию аналитической психологии: трудам З. Фрейда, главным же образом Юнга и его учеников, в частности Эриха Нойманна и Марии-Луизы фон Франц. Оба исследовали всемирно известный литературный материал – «Метаморфозы» Апулея, римского писателя II в. н.э., – такими средствами анализа, кото-

рые обнаруживают в классическом тексте прежде не читавшиеся значения.

В романе есть вставная история о Купидоне и Психее. «...В нашей интерпретации этой сказочной истории, – пишет Э. Нойманн, – речь пойдет об *Эросе* и Психее: мы будем использовать имена богов в их исконных греческих формах. <...> Супругом и любовником Психеи в мифе является *могущественный Эрос – божество доисторической эпохи, а вовсе не Амур или Купидон – маленький озорной ангелочек...*» [Нойманн, 2014, с. 250].

Напомню содержание сказки.

Отец красавицы Психеи вопрошает оракула о женихе для дочери и получает ответ:

*Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель:
Будет он дик и жесток, словно ужасный дракон.
Он на крылах облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит.
Даже Юпитер трепещет пред ним и боги боятся.
Стиксу внушает он страх, мрачной подземной реке.*

[Апулей, 1956, с. 170]

В дальнейшем читатель узнает, что описана оборотная сторона эротического чувства: Эрос – образ непреодолимой силы любовного влечения, граничащего со смертью. Этот предварительный вывод о содержании сказки был невозможен для прежних методов изучения литературного текста. Между тем вывод важен, чтобы понять смысл сказки, затрагивающий наши собственные переживания, которые немалого моложе универсального эротического чувства, а то и вовсе «одногодки» и служат предпосылкой, источником любого художественного изображения, в том числе, конечно, литературного.

Вопреки оракулу, Психея не погибает, погребальный наряд ей не нужен, и она становится возлюбленной Эроса, хотя тот предупреждает: их любовь длится, пока Психея не увидит его. Сестры подбивают ее рассмотреть любовника (по оракулу – чудовища, которое внушает

страх даже Стиксу), она зажигает лампу, нарушая запрет, и видит красавца, но нагретое масло капает на Эроса, и он исчезает.

Психея отправляется на поиск, Афродита дает ей трудные задания, движимая ревностью, ибо Эрос – ее сын и вместе любовник; Психея справляется. Тогда Персефона, *подземная (смертная)* ипостась Афродиты, усыпляет ее, Эрос пробуждает возлюбленную, и оба становятся небожителями.

Афродита и Персефона, утверждает Э. Нойманн, – два образа Эроса. Такое толкование этих классических фигур мифологии определяет неразрешимую дихотомию любви, ее нерасторжимость со смертью, – одно из выражений экзистенциального противоречия природы человека в понимании Кьеркегора: стремление быть самим собой и нежелание быть собой, предполагающее либо некий выход за пределы себя (извечное романтическое настроение, опровергающее сложившиеся взгляды на романтизм как историческое явление); либо уход из жизни: сколько раз пылкая и взаимная любовь, остывая, заканчивалась самым заурядным возвратом унылой обыденности, хотя есть и обратные примеры, пусть их меньше, и если герой или героиня или оба предвидят это угасание, они предпочитают уйти из жизни. В художественной литературе достаточно подобных эпизодов, допускаю, их бы и не заметили без «подсказки» ЭЛ.

В неоконченной повести Н.С. Лескова «Детские годы (из воспоминаний Меркула Праотцева)», 1874, одна из героинь, страстно влюбленная и столь же страстно любимая, восклицает: «...Я хочу умереть скорей, скорей. – Зачем? – Зачем? <...> Затем, чтобы не надоесть и умереть любимой! Неужто вы не чувствуете, какое это блаженство?» [Лесков, 1957, с. 422].

В рассказе И.С. Тургенева «Клара Милич (после смерти)», 1883, главный герой, влюбившись в уже умершую героиню, испытывает счастье накануне своей смерти, потому что убежден, что вот-вот увидит возлюбленную, причем его смерть, очевидно, психологически ускорена этим ожиданием.

В романе японца Я. Кавабата «Стон горы», 1949, похожий эпизод: «Месяца два назад гейша и подрядчик... полюбили друг друга и решили вместе покончить с собой» [Кавабата, 1971, с. 28].

Задолго до этих сцен Д. Байрон в «Дон Жуане», 1824, воспроизвел родственную психологию:

Зачем, соединив сердца и руки,
Не умерли влюбленные тогда?
Ни холодных лет, ни горечи разлуки
Они бы не узнали никогда!
Унылый мир жестокости и скуки
И скорбная печаль была чужда
Их нежным душам, пылким и прекрасным,
Как песни Сафо, пламенным и страстным.

[Байрон, 1987, с. 424]

Самый яркий (по широкой известности) образец таких переживаний – судьба Анны Карениной. Можно вообразить, что Л. Толстой инстинктом художника передал глубину взаимного любовного влечения, возникшего чуть ли не в незапамятную эпоху антропоистории и – что не менее важно – не исчезнувшего до сих пор. Оценка Нойманном чувств Психеи характеризует и Анну:

«Подобно тому, как в одном из предыдущих эпизодов Психея жертвует “райским Эросом” во имя развития духа, теперь она готова принести в жертву свои духовные достижения ради обретения нетленной красоты Персефоны-Афродиты, что сделает ее желанной для Эроса. <...>. Но этот процесс не является обычной регрессией, то есть возвратом к чему-то прежнему, уже пройденному, например, к матриархальной стадии <...>. Благодаря тому, что **в своей жертвенности Психея абсолютно предана Эросу**, “старая” форма ее фемининности сменяется “новой”.<...>**Теперь это красота любящей женщины, которая желает быть прекрасной в глазах своего возлюбленного, и быть таковой для него одного**» [Нойманн, 2014, с. 310].

Это – дословное описание психологической истории Анны в романе и причин ее смерти: она вообразила, что возлюбленный разлюбил, но тогда незачем жить. Вронский же, узнав о ее гибели, отправляется на войну, надеясь быть убитым: жизнь для него утратила смысл.

У такой психологии, повторяю, едва ли не домифологический возраст (на что доэкзистенциальное литературоведение не обращало внимания), во всяком случае, некоторые мифологические образы черпают из тех времен. Таков образ Алкесты. Узнав, что ее мужу, Адмету, грозит ранняя смерть, она согласилась умереть вместо него, сохра-

нив жизнь обожаемому супругу. Растроганная такой любовью, Персефона избавляет ее от смерти, героиня становится краше прежнего и, легко допустить, желаннее мужу.

Имеем дело с одной из многочисленных вариаций психологического мотива, обнаруженного ЭЛ: во-первых, неотделимостью переживаний любви и смерти, испытываемых, вероятно, каждым и хранящихся в темных для сознания слоях души. Человек ощущает их в виде скуки, пресности, уныния, всегда сопровождающих, повторю, угасание любовного чувства у одного или у обоих возлюбленных, а это и может привести к отказу от жизни, что противоречит такому же финалу в апогее любви, – одно из свидетельств неразрешимых противоречий человеческого существования (экзистенции); во-вторых, очень характерных черт именно психологии женщины, готовой на все ради любимого. О подлинном источнике таковых настроений Нойманн пишет:

«Миф – это всегда бессознательное представление **ключевых жизненных ситуаций**, и одна из причин того, почему мифы столь значительны для нас, состоит в том, что в этих исповедях, проясненных светом сознания, **мы можем читать подлинный опыт человечества**» [Нойманн, 2014, с. 257], из чего следует, добавляю я: та, до- и мифологическая, психология все еще наша и останется таковой, что бы ни происходило с внешней жизнью человека.

Какой же вывод из всего сказанного делает ЭЛ?

«То, что Психея стала богиней, означает, что **человек сам по себе божествен и равен богам** [прежний литературоведческий анализ не задумывался над такими выводами. – В. М.]. <...> Прошло еще полторы тысячи лет, прежде чем стало снова возможным и разумным в совершенно новых обстоятельствах говорить **об обожествлении человеческой психики**. Только после того, как средневековый запрет на женско-земную сторону психической жизни – запрет, наложенный духовным миром, односторонне ориентированным на небесные мужские ценности, – начал приподниматься, божественное в земной природе и человеческая душа смогли снова быть открытыми. Таким образом, **в современной эпохе укрепляется новое развитие женственности...**» [там же, с. 328–329].

«Но что случилось с архетипом богини-матери, когда христианство наследовало умирающей Римской империи? Мария получила ти-

тул Theotokos (Богоматерь) и Sophia (Мудрость) и играла важную роль в восточной Церкви, но в западной католической церкви она вынуждена была отступить на задний план. Естественно, остались некоторые следы в легендах и местных культах <...> Но в официальной христианской церкви <...> культ Девы Марии не был центром внимания. ...Она... была заменена образом Церкви как института, так что эта часть ее мистических качеств была спроецирована на саму Церковь, Mater Ecclesia <...>

Она – носитель материнской анима-фигуры и частично заменяет реальную женщину. Священник воспринимает церковь как мать-невесту не только аллегорически, но и вполне конкретно. С другой стороны, священник сам невеста Христова и в этом “женственен” и носит женские одежды. То есть он одновременно и мужчина, и женщина. Если он понимает, что делает, это может дать переживание психической целостности [некоего андрогинизма, добавлю. – В. М.], достигнутое благодаря мучительному жертвоприношению своей сексуальной жизни [допускаю, такое сознание может стать индивидуальным источником удовлетворения от якобы преодоления неразрешимости экзистенции человека, ее двойственности, отмеченной Ветхим Заветом: из праха земного и по образу Божьему, и Кьеркегором. – В. М.]. С другой стороны, тот факт, что человеческая организация заменяет божественную силу, очевидным образом создает большую проблему». В частности, «это можно заметить в преследовании ведьм, на которых была спроецирована тень исчезнувшей Великой Матери» [Франц, 2014, с. 219–221].

В католическом официозе, по мнению автора, Великая Мать (и ее исторический прототип – Великая Богиня доматриархальности, согласно исследованиям И. Бахофена, на которого ссылается Э. Нойманн), превратилась в Матерь Церковь, а животворная природа материнского – в абстракцию (как и понятие «Родина-мать»: не родина рождает). Эта рождающая, кормящая, неотвратимо влекущая сила женского ушла на задний план и явилась обоснованием гонения на ведьм, в образе которых мстили остаткам матриархальных нравов; ведьму считали «невестой дьявола» [Мишле, 1992, с. 92] и подвергали мучительным процедурам экзорцизма, описанным в известном «учебнике» Г. Инститора «Молот ведьм», 1487. С «патриархальным» дьяволом так не обходились, не пытали и не жгли на кострах.

Материнское стало образом государственного, властного, хотя все властные функции исполнялись мужчинами. По сей день во всех мировых религиях главные и второстепенные канонические должности отданы мужчинам. Вот почему в Европе католичество так долго боролось за абсолютную власть (властность – одна из черт маскулинности) над миром со светскими правителями, пока не установилось равновесие, а потом и полное господство государства, патриархата, существующее поныне.

Однако в наши дни распространяется взгляд, что женщина может, занимая государственные посты, *править по-матерински* и в неких крайних ситуациях поступать не в интересах государства, а в интересах человека, который, напомним один из выводов ЭЛ, сам по себе божествен. Это значит, что материнское правление, так сказать, матриархат в современной истории, возвращает понимание божественности человека.

Уже повзрослевшей старшей дочери я рассказал, что сосед по даче, часть которой мы арендовали на лето у хозяйки, начал борьбу с мышами посредством электрического устройства с приманкой: мышь, добираясь до нее, погибала от удара током. Дочь фыркнула: «Я не экологист, не “зеленая”, но это возмутительно».

Типичная реакция женщины, испокон чуждой всем формам истребления живого, хотя, разумеется, есть исключения, о чем напоминает «комплекс Медеи».

Моя собственная реакция на борьбу с мышами была другой: избавился от них, на том и конец – безусловный след патриархальности, ушедшей в бессознательные слои души. Из подобного рода фактов выстраивается новое мировоззрение, о котором писал Э. Нойманн: *«В современной эпохе укрепляется новое развитие женственности»*, и человечеству, полагает он, грозит непоправимое, если власть по-прежнему будет тотально патриархальной.

Как аргумент в пользу сказанного приведу слова Д. Мережковского, которыми он заканчивает одну из книг: «Все язычество – христианство до Христа – есть неутолимая тоска о Сыне; все христианство после Христа есть неутолимая тоска о Матери. <...> ...Глубока любовь Отца, а любовь Сына глубже; глубока любовь Сына, а еще глубже любовь Матери. Отец не спас, Сын не спасает – спасет Мать. <...> Два Завета, Первый и Второй, противоборствуют в себе, но в Третьем

согласуются. Первый Завет – Отца, Второй – Сына, Третий – Духа-Матери...» [Мережковский, 2005, с. 556–557].

Здесь женщина выступает в роли спасительницы мира; она, в противоположность тому, что испокон утверждали и утверждают о свойствах ее натуры, оказывается новатором, сохраняющим, а не разрушающим сделанное Отцом и Сыном, – признак, открытый ЭЛ в исследовании классического текста, непроницаемого для прежних форм литературоведческого анализа и дополняемый, повторю, признанием неразрывности переживаний любви и смерти, возникших в незапамятную эпоху и хранящихся в бессознательных слоях души современного человека, носителем же любви, безусловно, является женщина (напомню «комплекс Алкесты»), и в мифологии нет мужских героев, готовых жертвовать жизнью ради женщины.

Наконец, еще одна черта, очевидная после наблюдений за ЭЛ:

«...Миф не фикция, он состоит из беспрерывно повторяющихся фактов, и эти факты можно наблюдать все снова и снова. Миф сбывается в человеке, и *все люди обладают мифической судьбой* не меньше, чем греческие герои» [Юнг, 2001].

Шотландский психиатр Р.Д. Лэнг (Laing, 1927–1989) нашел «мифическую судьбу» в сходстве фантазий его пациентов и мифологических образов разных народов: вероятно, нет ни одной мифологии, где не было бы сюжета «брошенный ребенок», Чтобы не перечислять, ограничусь историей Эдипа. Подробности этого универсального сюжета в книге [Ранк, 1997, по всему тексту].

Д. Лэнг высказал догадку, что сюжет мог возникнуть под влиянием родовой травмы, полученной матерью во время тяжелых родов.

Приведу длинную выдержку из его книги: в очень яркой (прежде всего потому, что неожиданной) форме автор касается того, что можно именовать *творчеством, даром*, перед которым бессилен сам его носитель – творец, художник; он лишь подчиняется ему, в отличие от *обладателя таланта*, способного распоряжаться им по своему усмотрению; заставлять его, уступая внешним давлениям, каков бы ни был их источник.

Основную заслугу психоанализа Лэнг видел в том, что удалось найти объяснение некоторым переживаниям плода в материнской утробе, о чем он, уже взрослый человек, ничего не помнил, хотя они влияли на его психическое поведение. Эти переживания в виде обра-

зов (часто мифологических) внезапно всплывали в его сознательной жизни в виде снов и/или психических недугов.

«Возможно ли, что наши клетки запечатлели опыт, предшествовавший возникновению специфической нервной ткани, и воспроизвели в позднейших фазах жизненного цикла трансформы, или вариации, такого рода первичных переживаний?

Может быть, структуры нашего пренатального [дородового. – В. М.] опыта как элементы более общих структур вплетены в сложную вязь постнатального узора? Пренатальные структуры, перенесенные в сферу постнатального опыта, вызывают нарушения нормальной постнатальной функции <...>

То, что мифы, легенды, предания, сны, фантазии и человеческое поведение могут содержать в себе мощные *отголоски нашего внутриматочного опыта*, представляется мне вещью, по крайней мере, вполне мыслимой.

Если это так, некоторые такого рода позднейшие расстройства [психики. – В. М.] могут быть вполне оправданно и по праву названы истерическими (т.е. маточными) [от др.-греч. *истерία*, от *истерα* – матка. – В. М.].

Мифы... позволяют мне всерьез рассуждать о возможности того, что концепция имплантации и последующего пренатального опыта мифологически представлена в виде постнатальных переживаний.

Мифология может быть ключом к нашему эмбриональному опыту <...>

Тридцатилетняя женщина рассказывает мне сон: кусочек жевательной резинки лежит на эскалаторе, ведущем вниз, к гаражу; эскалатор неподвижен... Ее поразило, что этот сон примерно годичной давности, о котором она и думать забыла, приснился ей – как она потом подсчитала – на третью ночь после того, как она забеременела. Ей и не снилось, что она беременна, пока у нее не выпала очередная менструация. Но теперь ей не терпелось узнать, не был ли это сон о зиготе [оплодотворенная клетка, содержащая сперматозоид и яйцеклетку, диплоид. – В. М.] (кусочек жевательной резинки), продвигающейся по маточной трубе (эскалатор) в матку (гараж)?» [Лэйнг, 2005, с. 232].

«Жизнь отдельной особи повторяет жизнь всего вида. Так *в материнском чреве эмбрион проходит через подобия состояний, которые прошел вид в течение десятков тысяч предшествующих*

лет своего развития. В связи с этим резонно предположить, что развивающийся плод может быть... неким субъективным образом для матери, которая, возможно, отчаянно пытается избавиться от него. Ее связь с этим... образом плода действительно должна отличаться от связи с плодом у матери, гостеприимно встречающей новую жизнь, образ которой развился и был взлелеян в ее сердце» [Лэйнг, 2005, с. 237–238].

«Непривычно слышать, как в наши дни люди рассказывают о своем рождении или внутриутробной жизни, будто они никогда об этом не забывали или же забыли, но “спонтанно” вспомнили в момент внезапной “вспышки”, психоделического эпизода...

Тысячи людей обоего пола, с различным общественным положением, всех уровней обеспеченности, всех возрастов утверждают, что помнят свое рождение и то, что было прежде, или способны пройти через переживания, которые кажутся им повторением или трансформацией натального и пренатального опыта. Долгое время я не принимал всерьез эти истории, отчасти потому, что они казались мне заведомо неправдоподобными. И все же? <...>

Я должен констатировать, что многие мои современники чувствуют, будто все происходившее с ними с момента их зачатия и вплоть до рождения тем или иным образом сказывается на них, теперь уже взрослых людях. Эти устойчивые комплексы ощущений заслуживают серьезного внимания. То, что пренатальные паттерны могут быть привнесены в опыт натальный и постнатальный, не кажется мне nonsensum a priori» [Лэйнг, 2005, с. 239–240].

Замечание в сторону. А. Белый (он старше Лэнга почти на 50 лет, но подтверждает сказанное психиатром) задумал эпопею «Моя жизнь» – еще один вариант «детства, отрочества, юности», продолженный зрелостью главного героя. Отличие от этой традиционной для русской литературы повествовательной формы состояло в том, что автор намеревался рассказать о дородовых впечатлениях персонажа. В предисловии к одной из частей эпопеи, «Котику Летаеву», он писал:

«...Дети иначе воспринимают факты; они воспринимают их так, как воспринял бы *допотопный* взрослый человек. Вырастая, мы это забываем; проблема умения, так сказать, вынырнуть в детскую душу связана с умением раздуть в себе намек на угаснувшую память – в картину [автор ошибается: эта способность, как любая иррациональ-

ная, за пределами умения. – В. М.]. Это и есть тема “Котика” <...> Ребенок начинает сознавать еще в полусознательном периоде [с точки зрения Лэнга, еще в материнской утробе. – В. М.]; он сознает, например, процессы роста, обмена веществ, как своего рода мифы ощущений...» [Белый, 1997, с. 495].

Эту «детскую мифологию» А. Белый намеревался изобразить в «Котике»:

«В нас миры – морей: “Матерей”: и бушуют они красно-ярыми сворами бредов...

Мое детское тело есть бред “матерей” <...> Я одной головой еще в мире; ногами – в утробе; утроба связала мне ноги: и ощущаю себя змееногом; и мысли мои – змееногие **мифы**: переживаю титанности» [Белый, 1997, с. 29].

«Вот мой образ вхождения в жизнь: коридор, свод и мрак» [там же, с. 33].

Возвращаясь к Лэнгу: «Меня впечатляет факт, что “я” некогда было плацентой, пуповиной и плодом.

Кажется, многие путают плаценту с маткой. Плацента, амнион [зародышевая оболочка у эмбриона. – В. М.], пуповина <...> **являются мною на клеточном уровне**, биологически, физически, генетически. Себя как целое я оставил в матке, то есть **был навсегда отлучен, когда перерезали мою пуповину**. Может ли нас преследовать призрак нашей плаценты, нашего внутриматочного близнеца, любовника, соперника, двойника?» [Лэйнг, 2005, с. 242].

Замечу попутно, «отлученность навсегда» от матери служит бессознательным (но вполне материальным) основанием метафизически же бессознательного ощущения сиротства, брошенности, свойственного любому человеку, чем и объясняется универсальность мифологического сюжета «брошенные дети», мифологического «сиротства», не утратившего бессознательного влияния на психику человека «и ныне, и присно, и во веки веков», так сказать. Лэнг продолжает:

«Рождение – важнейшее событие нашего жизненного цикла. В последние годы сотни тысяч людей в зрелом возрасте прошли через опыт, который, по их ощущению, был связан с опытом их собственного рождения. Следы родовых переживаний могут обнаруживаться в сновидениях, мифах, фантазиях, физических событиях или актуализироваться различными иными способами» [Лэйнг, 2005, с. 247].

«11.11. 1972... я решил посетить кружок на 10-й Стрит, который сгруппировался вокруг маленькой, хрупкой, дожелта прокуренной пятидесятилетней дамы. Она занималась психотерапией двенадцать лет.

Однажды у нее в кабинете появился двадцатичетырехлетний мужчина. Он сбежал из психбольницы, где ему (после трех попыток суицида) сказали, что он неизлечимый психопат и, если ему не сделать лоботомию, вероятно, его продержат здесь до конца жизни. Всю жизнь им владело чувство (говорил он мне), что он как будто застрял в каком-то лазе; он не мог ни протиснуться внутрь, ни выбраться наружу.

Два года тому назад у нее в кабинете он вдруг начал корчиться и извиваться (надо полагать, стереотипные кататонические [двигательные] расстройства. – В. М.] движения).

Ей пришло в голову, что он пытается родиться. Он сполз со своего стула на пол, и она разыграла вместе с ним его рождение, взяв на себя роль повитухи. Это заняло около двадцати минут. Он был вызволен.

Он чувствовал, что находится *вне этого лаза*, первый раз в жизни.

Его ощущения совершенно переменились. Нет больше никакого отчаяния или иступления. Впоследствии он еще несколько раз прошел через “рождение”. Теперь у него есть девушка. Он работает. Выглядит, двигается, разговаривает вполне обыкновенно.

Он был первенцем. К настоящему времени Элизабет “помогла родиться” почти сотне человек, обоего пола, всех возрастов; некоторым – многократно.

В тот вечер на глазах сорока-пятидесяти человек, в присутствии съемочной группы она “родила” семерых <...>

Девушке шестнадцати лет был поставлен диагноз психоз. Отсутствующий вид, тусклые глаза, кожа дряблая, сухая. Она корчилась, извивалась, билась в конвульсиях, агонизировала на полу что-то около пятнадцати минут, прежде чем почувствовала, что *она “выбралась наружу”*.

За эти пятнадцать минут с ней произошли разительные перемены. Ее глаза стали ясными, почти сияющими. Кожа – теплой и влажной. Она с удивлением призналась, что прежде не ощущала ничего подобного.

Она всегда чувствовала чье-то прикосновение, но до сих пор не знала собственного прикосновения – и до того, как возникло это ощущение прикосновения, не могла и представить себе, что ей его не хватает. По ее словам, она Рождение всегда чувствовала одновременно и страх перед контактом, и необходимость зацепиться. Но теперь это внезапно прошло. <...>

Эта *дама-повитуха* в 1973 году приезжала в Лондон и пробыла там недели две, проводя “родовые” сессии с людьми в домашних условиях, а также среди нашей братии по всему Лондону. Многие были просто поражены: и психиатры, и терапевты, и пациенты. Самые невероятные перемены происходили с людьми за какие-то пятнадцать-двадцать минут. ***Я был свидетелем того, как она проводит около двенадцати “родов” за вечер*** [Лэйнг, 2005, с. 251–253].

Такие «повторные роды», продолжая комментарий Лэйнга, помогали пациентам «дамы-повитухи» избавиться от не осознаваемой ими родовой травмы и выздороветь.

Приведенные эпизоды свидетельствуют о психологическом, терапевтическом, физическом значении женщины в жизни, сошлюсь на известную повесть русского писателя советского времени – «Живи и помни» В. Распутина, 1974. Главный герой после долго излечения в тыловом госпитале решает не возвращаться на фронт, становится дезертиром. Дает знать жене и предупреждает: никому ни слова. Спустя некоторое время предлагает ей: брось меня, ты молодая, еще поживешь, а со мной кончено. Она отказывается: нет, мы вместе до конца, каков бы ни был. Почти ситуация Алкесты, и ЭЛ позволяет «мифологически» прочитать эту книгу. Финал: за ней следят, и когда она видит, что не уйти от погони, она, будучи в положении, когда вот-вот родит давно желанного ребенка, бросается в воду и тонет, спасая мужа: его так и не находят.

Персефоны рядом не было, но Юнг прав: ***«Все люди обладают мифической судьбой*** не меньше, чем греческие герои», в нашем случае, героини.

Прочитанная так повесть Распутина позволяет понять архаизм нравственных принципов, насаждавшихся сто- и тысячелетиями патриархальным сознанием едва ли не всех стран – государственным, церковным, социальным; действия героини означают: любимый / любимая дороже всего. Из этого следует, сколько бы высокопарно ни

звучали следующие слова, что человек дороже всего, ибо, согласно экзистенциальному литературоведению, он сам по себе божествен – истина, подтвержденная экзист-анализом психологии женской героини в «Золотом осле» Апулея. Это психология, согласно ЭЛ, распространяется в современном мире – некий обновленный матриархат. Патриархальная схема всемирной истории, согласно экзистенциальному литературоведению, выдыхается, поэтому закончу вышеприведенными словами Э. Нойманна: *«В современной эпохе укрепляется новое развитие женственности»*, «Ренессанс женственности», прибавлю, – вывод, полученный посредством анализа художественного произведения.

Список литературы

- Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. – Второе издание. – Москва : АН СССР, 1956. – 398 с.
- Байрон Д. Дон Жуан (поэма, перевод Т. Гнедич) IV, 27 // Избранные произведения в двух томах. – Москва : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 271–780.
- Бельй А. Собрание сочинений. – Москва : Республика, 1997. – 541 с.
- Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 272 с.
- Кавабата Я. Тысячекрылый журавль. – Москва : Прогресс, 1971. – 397 с.
- Лесков Н. Собрание сочинений : в одиннадцати томах. – Москва : ГИХЛ, 1957. – Т. 5. – 422 с.
- Лэйнг Р. [Laing R.]. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. – Львов : Инициатива, 2005. – 343 с.
- Мережковский Д.С. Тайна Трех. Египет – Вавилон. (1923). – Москва : ЭКСМО, 2005. – 559 с.
- Мишле Ж. Ведьма. – Киев : СП «СВЕНАС», 1992. – 304 с.
- Нойманн Э. Амур и Психея. Приложение к книге. Франц, фон М.-Л. «Золотой осёл» Апулея. Архетип трансформации. Клуб Касталия. – Москва, 2014. – 356 с.
- Ранк О. Миф о рождении героя (психологическая интерпретация мифологии). – Москва : Рефл-бук : Вакалер, 1997. – 271 с.
- Франц, фон М.-Л. «Золотой осёл» Апулея. Архетип трансформации. Клуб Касталия. – Москва, 2014. – 356 с.
- Юнг К.Г. Ответ Иову / пер. с нем. – Москва : ООО «Изд-во АСТ» : Канон + , 2001. – 384 с.

References

- Apulej. Apologiya. Metamorfozy. Floridy. Vtoroe izdanie [Apology. Metamorphoses. Florida. Second edition]. Moscow : AN SSSR Publ., 1956. 398 p. (In Russ.)
- Bajron, D. Don Zhuan, IV, 27 [Don Juan, IV, 27]. In *Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah* [Selected works in two volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1987, v. 2, pp. 424. (In Russ.)
- Belyj, A. *Sobranie sochinenij* [The collected works]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 541 p. (In Russ.)
- Binsvanger, L. *Ekzistencial'nyj analiz* [The Existential analysis]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2014. 272 p. (In Russ.)
- Kavabata, Ya. *Tysyachekrylyj zhuravl'* [The Thousand - winged Crane]. Moscow, Progress Publ., 1971. 397 p. (In Russ.)
- Leskov, N. *Sobranie sochinenij v odinnadcati tomah* [Collected works in eleven volumes]. Moscow, GIHL Publ., 1957, v. 5. 422 p. (In Russ.)
- Lejng, R. (Laing R.). *Fenomenologiya perezhivaniya. Rajskaya ptichka. O vazhnom* [Phenomenology of experience. A bird of paradise. About important things]. Lviv, Iniciativa Publ., 2005. 343 p. (In Russ.)
- Merezhkovskij, D.S. *Tajna Trekh. Egipet – Vavilon. (1923)* [The Mystery of the Three. Egypt – Babylon. (1923)]. Moscow, EKSMO Publ., 2005. 559 p. (In Russ.)
- Mishle, Zh. *Ved'ma* [Witch]. Kiev, SP «SVENAS» Publ., 1992. 304 p. (In Russ.)
- Nojmann, E. *Amur i Psiheya. Prilozhenie k knige: Franc, fon M.L. «Zolotoj osyol» Apuleya. Arhetip transformacii. Klub Kastaliya* [Cupid and Psyche. Appendix to the book: Franz, von M.L. “The Golden Ass” by Apuleius. The archetype of transformation. Castalia Club]. Moscow, 2014. 356 p. (In Russ.)
- Rank, O. *Mif o rozhdenie geroya (psihologicheskaya interpretaciya mifologii)* [The myth of the birth of a hero (psychological interpretation of mythology)]. Moscow, «Refl-buk», «Vakaler» Pubs., 1997. 271 p. (In Russ.)
- Franc, fon M.-L. *«Zolotoj osyol» Apuleya. Arhetip transformacii. Klub Kastaliya* [The “Golden Ass” of Apuleius. The archetype of transformation. Castalia Club]. Moscow, 2014. 356 p. (In Russ.)
- Yung, K. *Otvet Iovu* [The answer to Jov] transl. from Germ. Moscow, OOO “Izd-vo AST”; Kanon+, 2001. 384 p. (In Russ.)